

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 3

1985

Николай ДОРИЗО

ЖЕНА ПОЭТА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 3

Николай ДОРИЗО

ЖЕНА ПОЭТА

(Полемические раздумья)

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Николай ДОРИЗО

Николай Константинович ДОРИЗО родился 22 октября 1923 года в г. Краснодаре.

В 1941 году в Ростове-на-Дону окончил среднюю школу. Печататься начал в 1938 году, еще будучи школьником.

В годы Великой Отечественной войны находился в действующей армии, во фронтовых газетах печатал стихи, песни, очерки.

После войны учился в Ростовском университете, в 1957 году окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР.

Николай ДОРИЗО — автор многих поэтических книг, драматических произведений, популярных в народе песен. В последнее время он выступает и в жанре прозы.

За заслуги в развитии советской литературы ДОРИЗО награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Произведения Николая ДОРИЗО переводились на языки народов СССР, а также на многие языки мира.

Николай ДОРИЗО — секретарь правления Союза писателей РСФСР.

В 1981 году поэт был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

ЖЕНА ПОЭТА

Трудно найти не только в русской, но и во всей мировой истории женщину, которая оставила бы такой неизгладимый след в людской памяти, которая вызывала бы столь противоречивые толки, яростные споры, длящиеся вот уже полтора столетия.

Слишком много у нее было обвинителей и почти не было адвокатов.

Эта женщина не Жанна Д'Арк и не Софья Перовская. По свидетельству всех современников, она была одарена божественной красотой, как Прекрасная Елена, из-за которой началась Троянская война.

Но с этой женщиной связано нечто большее для нас, чем гибель Трои. С этой женщиной связана жизнь и гибель величайшего гения России — Александра Сергеевича Пушкина.

А между тем без глубокого понимания ее характера, ума и нрава, склонностей и привычек невозможно понять самого Пушкина, понять трагическую историю его дуэли с Дантесом.

И когда порою в наши дни экие ревнители «чистого Пушкина», без его жены, пытаются как бы отодвинуть ее в сторону, они оказываются беспомощными по-настоящему понять жизнь поэта. И бессмертное продолжение этой жизни — его творчество.

А для того чтобы понять, надо любить. Любить большой человеческой любовью не только самого Пушкина, но и его многострадальную жену.

Думала ли она, знала ли она, какая судьба ее ожидает, когда молодой провинциальной барышней вышла замуж за бессмертие, на которое с этой минуты венчания была обречена?..

После трагических событий на Сенатской площади смерть Пушкина, последовавшая за ними, так потрясла Россию, что до сих пор не умолкает выстрел Дантеса. Тот единственный выстрел причинил России не меньшую боль и не меньшую скорбь, чем гром царских пушек четырнадцатого декабря, чем залпы екатерининских войск по мятежным пугачевцам. Смерть одного человека стала величайшим кровопролитием в истории России.

«Пуля, сразившая Пушкина, — писал гениальный польский поэт Адам Мицкевич в 1837 году под впечатлением трагической гибели

Пушкина,— нанесла ужасный удар умственной России. Она имеет ныне отличных писателей. Но никто не заменит Пушкина. Только однажды дается стране воспроизвести человека, который в такой высокой степени соединяет в себе столь различные, по-видимому, друг друга исключаящие качества. Пушкин, коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным».

«О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни, и как печально было мое пробуждение».

«Как странно! Боже, как странно. Россия без Пушкина...» Эти скорбные слова были не сказаны, а как бы выдохнуты из глубины груди нашим великим Гоголем.

Если Петр I был государственным преобразователем России, то Пушкин был духовным ее преобразователем, создателем новой могучей религии, имя которой великая русская классическая литература.

* * *

Простая русская женщина, жена гения, за честь которой он дрался на дуэли, после этого величайшего по своему трагизму события, волею судеб стала личностью исторической, хотя до сих пор, как это ни парадоксально, подавляющее большинство людей личности-то как раз в ней и не видели.

«Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без коррективы ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сразила».

«Тяга Пушкина к Гончаровой... тяга гения — переполненности — к пустому месту, чтоб было куда... он хотел нуль, ибо сам был все».

Эти слова принадлежат Марине Цветаевой, которая так самоабвенно любила Пушкина, что не могла его отдать ни одной женщине на свете, даже его законной жене. Но не только Марина Цветаева была к ней несправедлива. Разные люди, руководимые самыми разными, а порой и противоположными чувствами, сходились на одном — на несправедливости к ней.

Зависть светских красавиц, которых затмила своей красотой Наталья Пушкина, ненависть врагов поэта, желавших очернить личную жизнь гения, любовь к Пушкину его почитателей, считавших, подобно Марине Цветаевой, что у Пушкина должна быть какая-то другая, только им (а не ему) ведомая жена.

Жена — соавтор? Но зачем Пушкину для написания стихов нужен был соавтор. Он сам написал то, что не написал ни один поэт на земле. При этом поклонники Пушкина, того не замечая, в своей прозорливости высказывали какое-то превосходство над ним, будто они лучше, чем он, знают, какая жена ему нужна. Не оскорбительна ли для него эта опека над ним? Зависть к ней, ненависть к нему, обожание его — эти порой самые противоположные людские чувства приводили к одному — несправедливости к ней.

Право выбора жены по своему желанию настолько очевидно, что даже не обусловлено в своде законов, как право дышать. Почему же в этом праве мы порой отказываем гению, пред которым преклоняемся? Разве бессмертие его позволяет опеку над ним?

Я встречал людей, которые мне говорили: — Да, конечно, Пушкин гений. Но — поэт. Не от мира сего! Не ту выбрал в жены.

Я еле сдерживал яростное желание крикнуть: — Врете! Он поэт от мира сего. Он гений от мира сего! Нет ли в ваших почтительных поучениях, как надо жить гению, кого выбирать себе в жены, желания мелкой обывательской душонки, быть может, неосознанное возвыситься над гением, утвердить себя, взять реванш, достичь этакого доступного превосходства над ним — мол, он, конечно, гений, но я в житейских делах разбираюсь лучше.

После дуэли и смерти Пушкина нашлось немало людей, искренне считавших жену поэта виновной в его гибели — легко давалась в руки, сама шла навстречу четкая, законченная концепция — гений, ставший жертвой бездушного легкомыслия, преступного кокетства светской красавицы. Помню, и меня этому учили в школе.

Его вдову, убитую горем, буквально забросали камнями яростных обвинений.

Дмитрий Дмитриевич Благой в своих мудрых и страстных статьях, как подлинный рыцарь не раз отстаивавший честь Натальи Николаевны Пушкиной, вспоминает дошедшее до нас в рукописи произведение некоего, неведомого нам стихотворца, написанное под непосредственным впечатлением (на следующий же день после смерти Пушкина) и в самых резких тонах осуждающее Наталью Николаевну во всем случившемся. «Жена — твой враг, твой злой изменник, — риторически обращается автор к почившему поэту и гневно восклицает в адрес его вдовы: — К тебе презренъм все здесь дышит... Ты поношенъе всего света, предатель и жена поэта».

Д. Д. Благой справедливо замечает, что хотя стихотворение носит сугубо любительский характер, но оно примечательно как историко-психологический документ, свидетельствующий о настроениях многих и многих современников — «всего света».

Эти страстные поклонники гения, с такой яростью обличавшие жену, виновницу его смерти, сами того не ведая, брали сторону убийцы

поэта Дантеса, почти слово в слово повторяли смысл того, что официально заявлял Геккерн-старший, стараясь оправдать приемного сына. Он хотел изобразить Наталью Николаевну в роли соблазнительницы, увлекавшей невинного Дантеса в свои сети, спасти его от суда, который все-таки состоялся и разжаловал в рядовые. Последнее слово было за царем: «Быть по сему, но рядового Геккерна, как не русского подданного, выслать с жандармами за границу, отобрав офицерские патенты».

Какой удивительный парадокс — люди, свято любящие гения, и его смертельные враги оказались как бы рядом!

«Жена — твой враг, твой злой изменник» — сто пятьдесят лет этому, казалось бы, давно отзвучавшему голосу вторят голоса больших и малых поэтов. Недавно в Чехословакии один словацкий поэт мне читал гневные стихи, яростно клеймившие Наталью Николаевну.

Анна Ахматова не менее Цветаевой боготворила Пушкина и не менее Цветаевой ненавидела его жену: «Мы имеем право смотреть на Наталью Николаевну как на сообщницу Геккернов в преддуэльной истории. Без ее активной помощи Геккерны были бы бессильны». И еще: «Из всего явствует, что Пушкин не имел ни малейшего влияния на жену, что она делала все, что хотела, никак с ним не считаясь, разоряла, лишала душевного спокойствия... сделала его (мужа) своим конфиденнтом, что, по мнению Долли Фикельмон, и вызвало катастрофу...»

Здесь каждое слово противоречит действительности! Совершенно непонятно, почему Анна Ахматова верит Долли Фикельмон, а не верит Пушкину. Видимо, потому, что ею руководствовало чувство благоговенной любви к поэту. Да к тому же, что особенно надо подчеркнуть, в то время, когда писала эти строки Ахматова, когда клеймила Натали Цветаева, когда сочинял свою пьесу о Пушкине Булгаков, не было той неопровержимой информации, которой мы обладаем сегодня, прежде всего благодаря многолетнему подвижническому труду И. Ободовской и М. Дементьева, опубликовавших в своих книгах письма Натальи Николаевны — документы, с полной очевидностью говорящие о совершенно ином духовном облике этой женщины.

* * *

Среди гениальных творений Пушкина есть величайшее творение человеческого духа. Во всей всемирной литературе я не знаю книги о любви, которая была бы столь достоверной, искренней, лишенной всяческих прикрас, земной, по-бытовому прозаичной и вместе с тем достигающей божественных высот.

Это книга его писем к жене. Книга их любви. Совершенно непонятно, почему эти письма до сих пор не собраны в отдельный том

и не изданы вместе, многое стало бы выпуклей, понятнее широкому кругу читателей.

Письма Пушкина очень деловые, иногда грубоватые. Слова в них не во фраках и бальных нарядах. Такими мы бываем только с самыми близкими людьми. Сам стиль этих писем неопровержимо говорит о том, что Пушкин и Наталья Николаевна жили одной общей жизнью, что у них были одни и те же заботы и интересы. В письмах Пушкина нет празднословия. Все по делу, по существу. Это соответствует особенностям его прозы — ничего ненужного, необязательного.

Рядом с материальными заботами о семье, с мучительными поисками денег на прожитие, с деловыми поручениями, а порой и отцовскими наставлениями жене, которая была для него и верным другом, делившим с ним все неимоверные житейские трудности, и матерью его детей, и женой-ребенком (ведь он был старше ее не только на тринадцать лет, но и на свою гениальность), вдруг такая пронзительная тоска по любимой, такая благородная нежность, такое точное психологическое наблюдение, меткий афоризм, пророческая характеристика времени, портрет знакомого человека. Эти письма — не литература, а сама жизнь.

Вот что писал от этих писем А. И. Куприн: «Я хотел бы тронуть в личности Пушкина ту сторону, которую, кажется, у нас еще никогда не трогали. В его переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления. Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она не оступилась беременная — была здорова, счастлива! Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом... Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согревать любимую женщину, как он, при своем мастерстве слова, мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях!»

Мы с детства знаем все творчество Пушкина, многое знаем наизусть. А эта книга до сих пор не прочитана. Ведь прочитать неверно — это значит вообще не прочитать.

На основании своих ощущений, возводимых в канон неколебимой истины, на основании воспоминаний современников, порой весьма сомнительных, написанных со стороны, доброжелательных и недоброжелательных, людьми не очень-то проникательными, иногда неумными, завистливыми или просто светскими сплетниками, возводилась концепция отношений Пушкина с женой, совершенно не бравшая в расчет самый достоверный, неопровержимый документ — письма Пушкина к жене.

Здесь уместно повторить слова Герцена: «Письма больше, чем воспоминания: на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

«Странно в самом деле, — писал Л. Пастернак, — современный человек, отрицающий дуэль, как устаревший предрассудок, пишет

огромное сочинение на тему о дуэли и смерти Пушкина. Бедный Пушкин! Ему следовало бы жениться на Щеголеве и позднейшем пушкиноведении, и все было бы в порядке... А мне всегда казалось, что я перестал бы понимать Пушкина, если бы допустил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталье Николаевне».

И Марина Цветаева, и Анна Ахматова, и, наконец, П. Е. Щеголев — автор монографии «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1916 году, самого обстоятельного исследовательского труда, по совершенно непонятым причинам явно игнорируют все то, что писал Пушкин жене, совершенно не считаясь с его отношением к ней. Кому же верить, как не самому Пушкину. «Она меня любит», — писал Пушкин Плетневу еще в одном из своих болдинских писем. После женитьбы он в этом еще раз убедился. «Женка моя прелесть не по одной наружности». А года два с половиной спустя он ей написал слова, которые являются как бы эпиграфом к этой удивительной, живой, документальной книге их любви: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица». Эти слова — ключ к пониманию отношения Пушкина к его жене. Но обвинители Натальи Николаевны их игнорируют, не хотят с ними считаться, как будто Пушкин писал их не в здравом уме, как будто он в своей любви был глуп, наивен, легковерен, ослепленный голый красотой, разящей, как меч. Это принижает великий пушкинский ум, оскорбляет его чувство, отнюдь не мимолетное, а пожизненное, ведь с этим чувством и со словами, что она, его жена, ни в чем не виновата, он умер.

Наталья Николаевна Пушкина была частью пушкинской души, всегда мечтавшей о гении чистой красоты.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Наталья Николаевна Пушкина была необходима не только Пушкину, но и его поэзии, иначе Пушкин никак бы не смог жениться, он и в жизни был пророчески мудрым, видевшим людей насквозь, психологом. Его гениальные озарения были не следствиями ослепленности, не проявлениями восторженного безумия, они, эти гениальные озарения, и в поэзии, и в его жизни всегда исходили из реального понимания жизни, постижения всех ее глубин.

Хорошо сказал писатель А. Ф. Вельтман, встретив Пушкина с женой в Благородном собрании: «Пушкин, ты поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия».

«Все что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано, — писал Пушкин А. И. Кривцову за неделю до свадьбы, — я хладнокровно взвесил выгоды

и невыгоды состояния мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Счастье можно найти лишь на проторенных дорогах. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться.

Какое это счастье для пушкинской музы, что он никогда не чувствовал себя каким-то исключительным, не похожим на всех сверччеловеком, видимо, именно поэтому поэзия Пушкина так всечеловечна, так близка каждому из нас. Ему хотелось того, что хочется каждому человеку, — семьи, детей, душевного покоя.

* * *

Прежде всего Пушкин был поэтом. Гениальным поэтом. И это определяло все его поступки.

Он не мог избрать себе жену как бы вне своей поэзии. В конечном счете решающее слово — жениться ли ему на Наталье Николаевне, или нет — должна была сказать и сказала его поэзия.

При выборе жены можно было бы не посчитаться даже с мнением родителей. Но с мнением его музы он не мог бы не посчитаться. Ведь поэзия и мать его и его судьба.

Поэтому Пушкин женился не в состоянии безрассудочного любовного ослепления, горяча, а весьма трезво, вполне продуманно.

Напрасно друзья естественно тревожились (а если бы не тревожились, они не были бы друзьями), что женитьба Пушкина, его семейная жизнь может помешать его творчеству.

«Я боюсь за Вас: меня страшит прозаическая сторона брака, — писала Пушкину Е. М. Хитрово, дочь Кутузова, верный друг Пушкина, женщина страстно в него влюбленная. — Кроме того, — продолжала она, — я всегда считала, что гению придает силы лишь полная независимость. И развитию его способствует ряд несчастий, что полное счастье, прочное, продолжительное, в конце концов, немного однообразное, убивает способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта».

И как бы в ответ на эти слова примерно в то же время Пушкин с горьким сарказмом написал:

К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык...
Постигнет ли певца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! Наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастье поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

Решивши жениться, Пушкин не изменил поэзии, не забыл о своем главном жизненном призвании.

* * *

Я угадываю волшебную закономерность именно в том, что как раз в самую страстную пору своей влюбленности в невесту Пушкин покидает ее, уезжает работать в Болдино.

И эта самая страстная пора его влюбленности в невесту стала порою величайших творческих свершений, стремительно следовавших одно за другим.

Уму непостижимо, сколько было написано им в ту воистину золотую болдинскую осень!

В этом сказалась удивительная гармоничность, я бы сказал, гениальная уравновешенность его натуры. Любовь, тоска по покинутой невесте и каждодневный изнуряюще сладостный труд не противоречат, а как бы помогают друг другу.

При этом не так-то легко приходило к Пушкину единственно нужное слово. Достаточно взглянуть на его исчерканные вкривь и вкось черновики, чтобы понять, какой титанический труд стоит за каждой его строкой, какая неумная требовательность к себе.

Так мучительно трудно работать и столько написать за такой короткий промежуток времени!

Причем, как мне кажется, очень важно отметить, что это не были произведения, целиком и полностью посвященные одержимой тоске по невесте, его любви к ней. В его произведениях чувствуется состояние, в котором он находился.

Любовь, ее возрождающая сила — основная тема последней главы «Евгения Онегина». Ею дышат пламенные речи Дон Жуана в «Каменном госте» — «Но с той поры, как вас увидел я, мне кажется, я весь переродился...»

И вместе с тем платонная влюбленность Пушкина в невесту, тоска по ней не носят сугубо личный характер интимного разговора с ней одной, не замыкаются в себе, а персонифицируются в образы героев, людей не только разных нравов и характеров, но даже разных стран, разных времен.

Таков масштаб гениального пушкинского мышления и чувствования.

Холера. Карантин. Пушкин пишет невесте о том, как тщетно он пытается к ней прорваться отсюда, из Болдино. А я все-таки подозреваю, что не очень-то он и рвался к ней.

Мог ли оторваться он в ту ни с чем не сравнимую счастливую пору от приковавшего его к себе письменного стола, оборвать строку на полуслове? Нет, это было выше его сил. Иначе он бы не был поэтом, не был Пушкиным.

В одном из моих стихотворений «Полтава» говорится о том, что если бы к Пушкину, находившемуся в состоянии творческого экстаза, в тот момент, когда он писал свою поэму «Полтава», пришли секунданты Дантеса, он бы не смог в эту минуту оставить недописанной строку и стать к барьеру.

В рабочий день не ходят на дуэли
И счета с жизнью сводят за столом.

На следующий день с еще большей яростью он рвался бы на дуэль со своим противником. С еще большей яростью хотя бы потому, чтобы, не дай бог, не выглядеть струсившим в глазах окружающих его людей и, что самое важное, в собственных глазах, не поступиться честью. В вопросах чести он был крайне щепетил.

Но в эту минуту, в минуту всесильно охватившего его вдохновения, он бы не мог оборвать себя на полуслове и выйти на дуэль. Это было бы выше его сил.

Думается, и Болдино в пору великих свершений, именно в эту пору, он бы не мог оставить, не мог бы оторваться от письменного стола даже ради самого большого в жизни человеческого счастья — любовной встречи с обожаемой им женщиной.

Прежде всего Пушкин был поэтом. Гениальным поэтом.

Именно там, в Болдино, как мне кажется, Пушкин принял окончательное решение жениться на Наталье Николаевне. Именно там, в Болдино, он увидел в ней не только красавицу, достойную поклонения, но и верного друга, способного разделить с ним его нелегкую судьбу, судьбу поэта.

Болдино было проверкой их любви.

* * *

Перед отъездом в Болдино у Пушкина предельно накалились отношения с матерью Натальи Николаевны, женщиной со сложным, противоречивым характером, крайне своенравной, резкой в словах и поступках.

Уезжая в Болдино, Пушкин писал невесте: «Я уезжаю в Нижний, не зная, что ждет меня в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей,— я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Может быть, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае вы совершенно свободны, что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь».

Какую же позицию в этом до предела обостренном конфликте матери с женихом заняла Наталья Николаевна?

Представьте себе робкую, застенчивую девушку, почти ребенка, с детства привыкшую во всем безоговорочно подчиняться властному характеру матери.

И вдруг эта девушка решительно встает на сторону жениха, бескомпромиссно идет против воли матери с такой же непримиримой смелостью, как те дворянские девушки, которые, не боясь пожизненно-го родительского проклятия, бежали тайно из отчего дома со своими любимыми, обрекая себя на нищету и лишения.

Чем, как не большой самоотверженной любовью, придавшей ей силы, можно объяснить этот решительный поступок Натальи Николаевны в трудную минуту ее жизни? Такие решительные поступки людям, подобным Наталье Николаевне, людям не железного, а мягкого, послушного характера, даются нелегко, только в самую необходимую минуту. Их вызывает к жизни не взбалмошное своеволие, а большое благородное, самоотверженное чувство. И поэтому у таких людей подобные поступки особенно ценны. О многом они говорят.

Пушкин писал из Болдино Плетневу: «...Сегодня от своей получил я премиленькое письмо: обещает выйти за меня и без приданого...»

А через три недели спустя тому же Плетневу: «Она меня любит...»

30 сентября поэт писал Наталье Николаевне: «Наша свадьба точно бежит от меня, и эта чума с ее карантинами — не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка... Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье. Позвольте ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 верст и сквозь 5 карантинов».

«Мой ангел...» Потом почти во всех своих письмах он будет так к ней обращаться.

* * *

Тоска по любимой — святое горячее болдинской осени. Без него просто невозможен был этот титанический взлет пушкинского гения.

Но для этого взлета нужно было и наконец обретенное чувство внутреннего покоя, уверенности, что он любим, что у него есть верная ему женщина, которая будет его ждать, когда он вдали от нее, и, что самое главное, живя с которой он **сможет работать**, да еще так работать, как он работал в болдинскую осень.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Болдинская осень осенила своим благословляющим перстом семейную жизнь поэта.

24 февраля 1831 года Пушкин писал Плетневу: «Я женат — и счастлив, одно желание мое, чтобы ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется я переродился...»

Как много он чувствовал, но еще больше — предчувствовал! И никогда не ошибался в оценках людей и событий. Он обладал тем пророчеством поэта, который «и не зная — знает». Да, у него были увлечения. Но Наталья Николаевна была избранницей его судьбы. Он женился и вдохновенно, и вместе с тем глубоко продуманно, женился так, как и писал стихи. Женился, вполне отдавая себе отчет, почему он женится и на ком он женится. Женился, имея за плечами огромную прожитую жизнь, и ни разу потом не раскаивался в своей женитьбе.

О, нет, это была отнюдь не тяга гения «к пустому месту», это была великая пушкинская тяга к гармонии, гением которой был он, Пушкин.

Я не раз думал об удивительной гармонии пушкинской личности и пушкинской поэзии.

Все в нем Россия обрела —
Свой древний гений человеческий,
Живую прелесть русской речи,
Что с детских лет нам так мила, —
Все в нем Россия обрела,
Мороз и солнце... Строчка — ода,
Как ярко белый снег горит!
Доныне русская природа
Его стихами говорит.
Все в нем Россия обрела —
Своей красоты любую малость.
И в нем увидела себя,
И в нем собой залюбовалась.
И вечность, и короткий миг,
И радость жизни, и страданье...
Гармония — суть мирозданья,
Лишь он один ее постиг!
Все в нем Россия обрела,
Не только лишь его бессмертье, —
Есенина через столетье,
Чья грусть по-пушкински светла.
Все в нем Россия обрела —
Свою и молодость, и зрелость,
Бунтарскую лихую смелость,
Ту, что веками в ней жила, —
Все в нем Россия обрела.
И никогда ей так не пелось!

Я не знаю ни одного поэта за всю историю человечества, который бы обладал с такой силой этим чувством гармонии. Гармония определяла все творчество Пушкина, весь его характер. Он не был певцом одной страсти. Трагизм краткости человеческой жизни удивительно сочетался в нем со здоровой радостью бытия, предполагавшей нормальное семейное счастье со множеством детей (какой он был замечательный отец с домашними заботами, с красивой и доброй молодой женой, с которой можно отвлечься от тяжких мыслей, от светской людской подлости!). Все это он нашел в совсем еще юной Таше Гончаровой, простодушной, любящей, искренней в своих чувствах. Не только тоска по ушедшей молодости сказалась в его чувстве к Натали. Он увидел в ней самоотверженную мать своих будущих детей. Он увидел в ней свою героиню, свою Татьяну.

Даже для простых смертных красота — это отнюдь не безупречная правильность черт. В глазах, в лице человека, даже в его голосе всегда улавливается душа, особенности характера. Красота — понятие относительное. Эту всем известную аксиому почему-то забывают те, которые говорят о Наталье Николаевне не как о человеке, а как о светской красавице, и только. Но ведь красота не бывает вне человеческих качеств.

Вот как описывает знакомая Натальи Николаевны Н. М. Еропкина ее портрет: «Глаза добрые, веселые, с подрагивающими огоньками из-под бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда останавливал вовремя слишком резкие порывы». Она была еще совсем юной.

Думаю, не случайно именно Наташа Гончарова затмила всех великосветских красавиц своей красотой. Суть здесь не только, а может быть, не столько в правильности черт и в тонкости стана. Пресыщенное придворное общество увидело в ней неподдельную молодость со здоровым провинциальным румянцем на щеках, застенчивость, скромность, то, что в этом обществе так редко встречается и потому так ярко бросается в глаза.

До того, как Пушкин встретил Наталью Гончарову, муза Пушкина нашла свою избранницу — Татьяну Ларину:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.

Татьяна Ларина была для Пушкина идеалом. Идеалом замужней женщины. Она была гениальным его предчувствием Натальи Гончаровой. Слишком много общего у этих двух женщин. Говорят,

близкие люди с годами становятся похожими друг на друга. Наталья Гончарова, став женой Пушкина, с годами все более и более походила на Татьяну Ларину. Не только скромностью, даже застенчивостью, лишенной всякого жеманства, но и характером, вкусами, стремлениями, жизненным принципом.

В решительную минуту в ответ на страстные домогания блестящего кавалергарда, который ей, совсем еще юной, нравился, она поступила так же, как Татьяна, — она другому отдана и будет век ему верна.

* *
*

Дантес нравился Наталье Гончаровой. Сперва она не могла разобраться в своих чувствах, не могла сразу осознать, что за тот срок, который она прожила с мужем, стала Натальей Пушкиной не только потому, что взяла фамилию мужа, а потому, что приняла его нравственное вероисповедание, находясь под гипнотическим каждодневным влиянием его гения.

Для нее, едва достигшей совершеннолетия в пору замужества, Пушкин был и мужем, и любящим отцом, и мудрым наставником.

Она делилась с Пушкиным всем, что было у нее на душе; это легко проследить по их переписке. Вернее, по письмам Пушкина к ней. Письма Натальи Николаевны, к сожалению, утеряны. Но в письмах Пушкина по отдельным фразам, репликам можно воссоздать ее письма к нему. Это очень увлекательно!

Пушкин был не только гениальным в поэзии, он и в жизни обладал гениальным умом психолога и даже стратега.

Он понимал, что его юная, неопытная в светских кознях жена — первая красавица Петербурга, молва о которой прошла по всей России, достигнув самых отдаленных провинций, где, по свидетельству современников, порою больше говорили о Наталье Николаевне, чем о самом Пушкине. Эта беззащитная и вместе с тем легендарная женщина постоянно нуждается в его мудрой опеке. Сложны отношения со светской чернью, с царем, с Дантесом. Необходимо контролировать каждый ее шаг, каждое ее слово.

Поэтому Пушкин требовал от нее одного — полной откровенности.

Но откровенности не может быть без доверия. Пушкин нежно и мудро старался заслужить доверие жены.

Думаю, что если он даже и ревновал сперва жену к остроумному красавцу, ее молодому сверстнику Дантесу, так преданно и почтительно в нее влюбленному (это потом Дантес в полной мере проявил свою дрянную душонку, заслужив страх и презрение Натальи Николаевны), Пушкин нашел в себе силы не проявлять эту ревность, чтобы не спугнуть откровенность жены, не оттолкнуть ее. Ведь такая откровенность предполагает собой невозможность измены.

А самое главное — окруженный врагами Пушкин не мог оставить в их руках беспомощную, по-юному доверчивую свою жену.

Ему необходимо было сделать ее своей сподвижницей.

А Дантес, был ли он так самозабвенно влюблен в Наталью Николаевну? Думаю, что им и отцом Луи де Геккерном, всячески поощрявшим его влюбленность в первую красавицу двора, руководили сперва иные чувства: желание привлечь к себе внимание света удачливым романом с первой красавицей. Не только ради тщеславия, но и ради карьеры. Ведь такие романы — пикантная, острая приправа к карьере молодого человека в обществе.

В романе «Анна Каренина» Л. Толстого мы читаем: «Мать Вронского, узнав о его связи (о связи Вронского с Анной. — Н. Д.) сначала была довольна — и потому, что ничто по ее понятиям не давало последней отделки блестящему молодому человеку, как связь в высшем свете»...

* * *

Личность Пушкина отложила неизгладимый отпечаток на духовном развитии Натальи Николаевны. Живя вместе с ним, она за несколько лет прожила несколько жизней.

Простодушный ребенок, совсем не знающий жизни, — юная невеста Пушкина, и его одинокая, сосланная жестоким горем на Полотняные заводы, до глубины души потрясенная всем случившимся вдова — мать четверых детей... Какой огромный путь прошла эта женщина за несколько лет!

«Как это ни странно, — пишет Б. Мейлах, и с ним нельзя не согласиться, — до сих пор не только читателями, но и литературоведами облик Натальи Николаевны воспринимается чаще всего вне эволюции ее характера, интересов, чувств».

Подумать только, эта женщина изо дня в день слышала пушкинский голос, веселый и грустный. После его смерти она попросила прислать ей на Полотняные заводы его книги и жаловалась, что ей очень трудно их читать — она все время слышала его голос, слышала, как он читал свои стихи, и плакала.

Несколько лет изо дня в день она присутствовала при рождении гениальных пушкинских мыслей, восхитительных озарений, слышала его шутки, смех, ощущала прикосновение его родных, добрых рук...

Те, которые говорят, что Наталья Николаевна была равнодушной к мужу, прежде всего умаляют не ее достоинство, а достоинство Пушкина.

Не понимаю, как можно было не любить нормальной, от рождения порядочной женщине, высокообразованной, воспитанной на мировой литературе, в том числе на пушкинских стихах, этого неповторимо обаятельного человека!

Вот как писал о нем Гоголь: «В последнее время набрался он много русской жизни и говорил обо всем так метко и умно, что хоть записывай всякое слово. Оно стоило его лучших стихов: но еще замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним еще больше жизнь».

Наталья Николаевна каждодневно присутствовала при этом.

Кроме того, Пушкин в отличие от Лермонтова обладал очень складистым, непритворливым, нежным и веселым характером. Обожа! своих четырех детей, и заботы о них очень роднили его с Натальей Николаевной.

Если Пушкин родился на свет прежде всего поэтом, она родилась на свет прежде всего матерью.

* *
*

«...в ней ничего не было человеческого, ни ума, ни сердца. Все на грани любовного чувства, на низшей стадии развития» (Щеголев).

«...При скудности духовной природы главное содержание внутренней жизни Натальи Николаевны давал светско-любовный романтизм...» ((Щеголев).

«...Наталья Николаевна была так красива, что могла позволить себе роскошь не иметь никаких других достоинств» (Щеголев).

«...Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я ж все беспокоюсь, на кого покинул тебя!.. Ах, женка душа! Что с тобой будет!» (Пушкин — жене).

«...Какая ты умненькая, какая ты миленькая! Какое длинное письмо! Как оно дельно! Благодарствуй, женка... Здесь о тебе все отзываются очень благосклонно» (Пушкин — жене).

«...не приведено ни одной ее фразы, не упомянуто ни об одном ее действии, поступке. Точно она — лицо без речей в драме и вся ее речь сводится только к блистанию и затмеванию всех своей красотой...» (Щеголев).

«...Тебя, мой ангел, люблю так, что выразить не могу; с тех пор как здесь, я только и думаю, как бы удрать в П. Б. к тебе, женка моя... Стихов твоих не читал — черт ли в них и свои надоели. Пиши мне лучше о себе — о своем здоровье. На хоры не езд! — это место не для тебя...» (Пушкин — жене).

Значит, Наталья Николаевна писала стихи. Не случайно о ее стихах не знал никто из современников. Видимо, они были по-юному несовершенны, и она понимала, что ей, жене Пушкина, их нельзя никому показывать. Главное не то, какие стихи она писала, а то, что раз она писала стихи, значит, сердце ее тянулось к поэзии.

На основании вышеприведенного письма Щеголев делает вывод, что Пушкин относился сурово к попытке Натальи Николаевны писать

стихи («Стихов твоих не читал — черт ли в них и свои надоели...») И здесь сказывается его предвзятость к жене поэта, он принимает за суровость ту милую, шутливую доверительность, с которой разговаривают только очень близкие люди.

* *
*

— Она была совершенно равнодушна к стихам Пушкина, — сказал мне однажды один известный пушкинист.

— Какие у вас основания это утверждать? — спросил я его.

— Неопровержимые. Помните, как Пушкин рассказывал другу, что ему ночью вдруг увиделись дивные стихи. Он сразу же разбудил Наталью Николаевну, чтобы их ей прочитывать. А она сказала ему, что ночь для того, чтобы спать. И он почувствовал себя очень виноватым перед ней за то, что ее разбудил.

— Сколько раз за свою долгую семейную жизнь, — спросил я известного пушкиниста, — вы будили ночью свою жену, чтобы прочитать свою только что написанную статью?

Пушкинист растерянно молчал, явно не зная, что мне ответить. Видно, такое с ним не случалось ни разу.

— Как раз тот факт, что у Пушкина, сочинившего ночью дивные стихи, сразу же возникла необходимость разбудить жену и прочитать их именно ей, говорит о многом. Ведь он же мог дожидаться утра и прочитать эти стихи друзьям, тонким и умным ценителям поэзии — Жуковскому, Вяземскому, однако он разбудил именно Наталью Николаевну, которая, кстати, очень часто хворала — не так-то легко было ей всего за несколько лет родить ему четырех детей и выкормить их, женщины в наш век с трудом рожают одного ребенка. Может быть, она была в ту пору нездорова. Поэтому Пушкин чувствовал себя виноватым перед ней, что он ее разбудил. А сколько раз он ее, видимо, будил до этой ночи, чтоб прочитать ей свои стихи, вы об этом подумали? Как известно, Пушкин был человеком весьма деликатным, только огромное желание, огромная необходимость прочитать ей новые стихи дали ему в ту минуту право ее разбудить. То право, которое дается самым близким родством.

* *
*

«...В квартире Пушкина, Никита в очках с тетрадью (слуга Пушкина. — Н. Д.).

Входит Пушкина.

ЖУКОВСКИЙ. А, простите, Наталья Николаевна! Шумим, шумим, стихи читаем...

ПУШКИНА. Добрый день, Василий Андреевич, рада вас видеть, читайте на здоровье. Я никогда не слушаю стихов. Кроме ваших». (Не бестактно ли это по отношению к мужу, к его творчеству?)

ЖУКОВСКИЙ. Наталья Николаевна, побойтесь бога!

ПУШКИНА. Кроме ваших, Василий Андреевич (по-франц.). Ваша последняя баллада доставила мне бесконечное наслаждение...»

(М. Булгаков. Последние дни. А. С. Пушкин)

«Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после...» (Пушкин — жене).

«Душа моя, женка моя, ангел мой! Сделай мне такую милость, ходи 2 часа в сутки по комнате и побереги себя... Вели брату смотреть за тобой...» (Пушкин — жене. Она ожидала ребенка).

«Не читай скверных книг дядиной библиотеки, не марай себе воображения» (Пушкин — жене).

«...Женка моя прелесть, и чем более я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание...» (Пушкин).

«Она (Н. Н. Пушкина, — Н. Д.) медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. Никогда не изменявшая, по ее мнению, чести, Наталья Николаевна была виновна в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносила ее муж» (княгиня Е. Н. Мещерская, дочь Н. М. Карамзина).

«Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать... чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободной» (Н. Н. Пушкина — брату Д. Н. Гончарову).

ГОНЧАРОВА (сестра Наталья Николаевны. — Н. Д.). Что с тобой? ПУШКИНА. Оставь меня.

ГОНЧАРОВА. Я не могу понять тебя. Неужели ты не видишь, что все эти неприятности из-за того, что он несчастлив? А ты с таким равнодушием относишься к нему, что может быть причиной беды для всей семьи.

ПУШКИНА. Почему никто и никогда не спросит меня, счастлива ли я? С меня умеют только требовать, но кто-нибудь пожалел меня когда? Что еще от меня надо? Я родила ему детей и всю жизнь слышу стихи, только стихи. Ну и читайте стихи! Счастлив Жуковский, и Никита счастлив, и ты счастлива... И оставьте меня.

ГОНЧАРОВА. Не к добру расположена твоя душа, не к добру. Вижу. Ты не любишь его.

ПУШКИНА. Больше любви я дать не могу.

ГОНЧАРОВА. Увы, я знаю твои мысли. И мне больно за семью» (М. Булгаков. Последние дни. А. С. Пушкин).

«Натаалья Николаевна была так чужда всей умственной жизни Пушкина, что даже не знала название книг, которые он читал...» (В. Я. Брюсов).

«Мне пришел в голову роман и я, вероятно, за него примусь, но покамест голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с ней?..» (Пушкин — жене).

«Мой ангел, одно слово: съезди к Плетневу и попроси его, чтобы он к моему приезду велел переписать из собрания Законов (год 1774 и 1775 и 1773) все указы, относящиеся к Пугачеву. Не забудь» (Пушкин — жене).

«Пушкин женился на Гончаровой, между нами сказать, — на бездушной красавице, и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной контракт» (приятель Пушкина С. Д. Киселев).

«Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! Да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином!» (Пушкин — жене 18 мая 1834 года).

«...Милый мой ангел! У меня решительно сплин... Ты говоришь о Болдине, хорошо бы туда засестя, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить» (8 июля 1834 года).

«Тесная дружба редко возникает в большом городе, где каждый вращается в своем кругу общества, а главное имеет слишком много развлечений и глупых светских обязанностей, чтобы хватило времени на требовательность дружбы» (Н. Н. Пушкина — брату Д. Н. Гончарову).

* * *

Я читал монографию П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» и невольно думал о том, каково было бы Пушкину читать все, что пишется в этой книге о его жене. Пушкин, как известно, дрался на дуэли за честь своей жены. Но дуэль продолжается. Вот уже полтора века каждой строкой своих писем Пушкин дерется за честь своей жены с теми, кто стремится во что бы то ни стало по причинам, порою совершенно непонятным, осквернить ее образ.

Как часто в рассуждениях о ней ученых-пушкинистов, в стихах и пьесах, которые по сей день идут на наших сценах, наблюдается отсутствие элементарного целомудрия и благородства!

* * *

Началось это еще с Геккернов. Ведь дуэль разгорелась не из-за неверности Натаальи Николаевны. А как раз именно из-за ее верности мужу, вызвавшую у Геккернов, отца и сына, ярость и желание мстить. О чем они так и заявили — мы будем мстить.

Мстили они ей и после смерти Пушкина, продолжая порочить Натаалью Николаевну, распуская слухи о ней, как о соблазнительнице, легкомысленное кокетство которой довело до страшной беды и бедного Дантеса, оболыщенного ею, и ее мужа. В высшем обществе у них

нашлось немало сторонников «надменных потомков известной подлостью прославленных отцов», которые стремились превратить конфликт в чисто семейный, а не социальный, политический. И им, конечно, весьма было выгодно сделать Наталью Николаевну виновницей дуэли.

А лежковерные люди повторяли за ними эту сплетню, упрекали Наталью Николаевну в том, что она якобы не любила Пушкина или любила недостаточно и не была с ним счастлива.

* * *

В последние минуты жизни, смертельно раненный на дуэли, свои страдания Пушкин переносил мужественно, спокойно, самоотверженно и высказывал только одно беспокойство, как бы не испугать жену. «Бедная жена!» — восклицал он, когда мучения заставляли его невольно кричать...» (Щеголев. «Дуэль и смерть Пушкина»).

Доктору Спасскому он сказал пророческие слова: «Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском».

Она лежала без памяти, потрясенная горем. «Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неужержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние» (Д. Ф. Фикельмон). А ее упрекали в таком холодном бездушии, что она даже не сочла нужным проводить мужа до могилы.

«...Увидя умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени: густые темно-русые букли в беспорядке рассыпались у нее по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его и, рыдая, воскликнула: — Пушкин, Пушкин, ты жив?! Картина была разрывающая душу...» (К. К. Данзас).

Обращает на себя внимание, что в минуту наипуганнейшего потрясения жена Пушкина безотчетно называла мужа не по имени, а — «Пушкин», как бы понимая, что умер не только ее муж, а Пушкин! В ней кричала ее боль и боль всей России.

Он всегда был для нее не Сашей, не Александром. Он был для нее Пушкиным, стихи которого она знала с детства. Да и как она, много читавшая (в доме Гончаровых была прекрасная библиотека), могла не знать творения Пушкина, которыми зачитывалась вся Россия! Причем не только зачитывалась, а переписывала от руки в семейных альбомах, в девичьих тетрадках.

Слава Пушкина была в то время настолько громкой, что даже Хлестаков, прочитавший за всю свою жизнь, может быть, одну или две книжки, в апогее хвастовства хвалился тем, что он с Пушкиным на дружеской ноге, и перед кем хвалится, перед невеждами из маленького провинциального городишка, хвалится в расчете на то, что они, зная, кто такой «сам Пушкин», должным образом оценят, оробев от уважения, место Хлестакова в российском обществе.

Марина Цветаева считала, что Наталья Николаевна вышла за Пушкина не по любви, а по инертности. От безразличия — надо было за кого-то выходить. И вышла. «Не выйду — так... придется выйти. Лучше выйду. Проще выйти. «Один конец». Это совершенно не соответствует действительности.

Во-первых, Наталья Николаевна относилась к вполне уважаемой в свете дворянской фамилии. Во-вторых, она обладала несметным состоянием, несметным приданым — уникальной красотой, не только замеченной, но и снискавшей покровительство императорской семьи, что сулило ее будущему мужу, если бы он захотел, конечно, делать придворную карьеру, немалые блага.

До встречи с Натальей Николаевной многие женщины любили Пушкина. Дело тут не только в его прошумевшей на всю Россию славе. Дело тут в его неизъяснимом человеческом обаянии, темпераменте, остроумии. Все это читалось не только в его стихах, но и в его облике. Что же тут удивительного, что юная Наташа Гончарова в него влюбилась?

Секрет поэзии Пушкина в том, что она любима и понимаема не только избранным кругом ценителей, а людьми, не читающими стихи. Так и человеческое обаяние Пушкина, что, конечно, является высшим знаком людской красоты, неотразимо действовало на современниц. Даже если они не были учеными-пушкинистками. А, может быть, именно потому, что они ими и не были.

Достаточно в чем-то как-то оскорбительно задеть Наталью Николаевну, как мы невольно задеваем самого Пушкина. А порой и просто оскорбляем его тем, что принижаем, лишаем его живых человеческих достоинств и возможностей. Настолько он и Наталья Пушкина — единое целое.

Наталья Николаевна вышла замуж за Пушкина, проявив смелость, решительность.

Нельзя забывать о том, что Пушкин был не только не богатым, но и опальным, недавно вернувшимся из ссылки. Бог знает, что может быть с ним, а значит, и с ней в дальнейшем. Такой жених отнюдь не лучшая партия для семьи Гончаровых. Кроме реальной нужды и опасностей, им этот брак доброго не сулил.

Семья Гончаровых могла даже любить стихи Пушкина, но отдавать ему свою дочь — это другое дело.

Наталья Ивановна — мать Натальи, долго не соглашалась на этот брак.

Вот что писала Н. П. Озерова, видевшая Пушкина и Наталью Николаевну 3 мая 1830 года: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молоденькая девушка ее склонила. Она, кажется, очень увлечена своим женихом».

«...Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение Вашей дочери... но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли сохранит она это спокойствие?..» И далее: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее», — писал Пушкин матери Наталье Николаевны. Какая благородная неуверенность в себе!

Если читать только слова, то, казалось бы, они неопровержимо говорят о «спокойном безразличии» невесты к Пушкину.

Но в том-то и дело, что мы должны читать не только слова, а и то психологическое состояние, в котором находился Пушкин.

Прежде всего он хотел убедить мать невесты в своей безграничной любви к Наталье Николаевне: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее...»

Кроме того, мне думается, самоуверенной, самодовольной любви не бывает. Чем больше человек любит, тем мучительней он сомневается — достоин ли он любви своей возлюбленной. Восторженно поклоняясь ей, он невольно принижает себя.

Это чувство особенно свойственно той поре влюбленности, когда люди еще мало знают друг друга.

Помните самоистязания Левина, его мучительные сомнения в самую счастливую минуту любви, перед женитьбой на Кити: «...Левин был влюблен и потому ему казалось, Кити была такое совершенство во всех отношениях, такое существо превыше всего земного, а он такое земное низменное существо, что не могло быть и мысли о том, чтобы другие и она сама признали его достойным ее». Лев Толстой был великим психологом. Действительно, какой же влюбленный считает себя красивее, умнее, достойнее своей возлюбленной, быть он даже гением? Ведь чувство превосходства над любимой, как бы снисхождения к ней, исключает само понятие влюбленности — тогда ты уже влюблен в себя, а не в нее.

И далее мы читаем в «Анне Карениной» Л. Толстого: «...вдруг на него нашло странное чувство. На него нашел страх и сомнение, сомнение во всем: «Что, как она не любит меня? Что, как она выходит за меня только для того, чтобы выйти замуж? Что, если она сама не знает того, что делает? — спрашивал он себя — она может опомниться и только, выйдя замуж поймет, что не любит и не может любить меня».

Для подобных сомнений у Левина не было никаких оснований, что подтвердила вся его дальнейшая счастливая жизнь с Кити.

Только большая истинная любовь к Пушкину помогла Наталье Николаевне проявить в решительную минуту такую стойкость характера, стойкость, не свойственную ее мягкой и даже по отношению к близким несколько слабохарактерной натуре.

Выходя за Пушкина, имевшего опасную политическую репутацию, она проявила тот же самый благородный характер любящей русской женщины, который с такой самоотверженной силой сказался в декабристах.

Но, кроме толков и сплетен о политической неблагонадежности поэта, до юной невесты Пушкина и до ее семьи не могли не дойти толки и сплетни о любовных похождениях поэта, зачастую, как всякие сплетни, сильно преувеличенные.

И опять-таки надо было очень любить Пушкина, очень верить в его внутреннее благородство, несмотря на свои юные годы, понять душу гениального поэта, чтобы написать деду Афанасию Николаевичу, главе семьи, до которого дошли слухи и сплетни, удивительно трогательное письмо в защиту Пушкина.

Этот неопровержимый документ, свидетельствующий об отношении юной Гончаровой к Пушкину, почему-то тоже совершенно игнорируется обвинителями Натальи Николаевны.

«Любезный дедушка! Узнав через Золотарева сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что все то, что сделала Маменка, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те худые мнения, которые вам в нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое счастье, целую ручки ваши и остаюсь навсегда покорная внучка ваша.

Наталья Гончарова».

* * *

Меня обрадовало появление яркого талантливое исследование В. Непомнящего «Арина Родионовна, Наталья Николаевна», опубликованного в журнале «Юность». В нем и подлинная, я бы сказал, творческая любовь к Пушкину и уважение, сострадание к жене поэта, желание по-рыцарски встать на ее защиту.

Но с одним утверждением этого исследования я не могу согласиться.

В. Непомнящий пишет: «В третьей главе «Онегина» на вопрос Татьяны о любви няня отвечает: — И полно, Таня! В эти лета мы не слышали про любовь... — Да как же ты венчалась, няня? — Так видно бог велел...»

Наташа Гончарова в свои восемнадцать лет тоже «не слыхала про любовь». Ее выдали за Пушкина почти как Татьяну за генерала. Не она его выбирала, он ее выбрал...»

Такое утверждение в очень убедительном и достоверном исследовании было для меня неожиданностью. Оно никак не сочетается с приведенными выше фактами: («Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молоденькая девушка ее склонила. Она, кажется, очень увлечена своим женихом». Н.П.Озерова. «...В надежде, любезный дедушка, что вы согласитесь **составить мое счастье**, целую ручки ваши и остаюсь навсегда покорная внучка ваша. Наталья Гончарова»).

* * *

Став женой Пушкина, Наталья Николаевна понимала, что живет она с человеком необыкновенным. И хотя Пушкин был любящим, заботливым мужем, пора его юношеских увлечений давно прошла, Наталья Николаевна, зная о «грехах его молодости», была ревнива.

Видимо, она считала, что великое пушкинское обаяние, чарующий ум, благородство способны увлечь не только ее, но и других женщин.

Пушкин побаивался ревности жены.

Несколько дней он ехал в дорожном дилижансе с немецкими актрисами. После чего написал жене:

«Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал, они со мной амурились в надежде на лишний билет». Наталья Николаевна была человеком отнюдь не самоуверенным. Тщеславие ей чуждо, говорит она, и действительно в ее письмах мы не раз встречаем удивление, когда она слышит восторженные отзывы о своей красоте. Об этом же писала и ее дочь А. П. Арапова.

И. Ободовская и М. Дементьев в своей вышедшей в издательстве «Советская Россия» книге «После смерти Пушкина» справедливо пишут: «Вспомнили и слова Пушкина: «Гляделась ли ты в зеркало и уверилась ли ты (курсив.— И.О. и М.Д.), что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете». Не говорит ли это о том, что Пушкину приходилось убеждать ее, доказывать, что она обладает редкой, исключительной красотой?»

Тревожная память об увлечениях юности мужа, так пленительно воспетых в пушкинских стихах, и отсутствие самоуверенности делали Наталью Николаевну несправедливо ревнивой.

«Будучи невестой, она ревновала Пушкина к какой-то княгине Голицыной. Когда Пушкин оставался в Петербурге, подозревала его в увлечении А. О. Смирновой, обвиняла его в увлечении неведомой Полиной Шишковой. Опасалась его слабости к Софье Николаевне Карамзиной, сердилась на него за то, что он будто бы ходит в Летний сад искать привязанностей, не доверяла доброте его отношений

к Евпраксии Вульф, думала в 1835 году, что между Пушкиным и А.П.Керн что-то есть». Это вызывает у Щеголева по отношению к Наталье Николаевне желчную осуждающую неприязнь. А Пушкина ее ревность не только не сердила, а, наоборот, веселила, делала счастливым (раз ревнует, значит, любит), он даже гордился ревностью красавицы жены.

Весьма превратно трактует Щеголев переписку Пушкина с женой. Об этом, может быть, не стоило так подробно говорить. Но его оценки, его трактовки живы и доньше, они дают о себе знать и в пьесах о Пушкине, которые идут на сценах наших театров, и в стихах, посвященных Наталье Николаевне. Они укрепились в сознании многих людей буквально со школьной скамьи.

Поэтому настало время дать этим резко ошибочным, произвольным толкованиям характера отношений Пушкина с женой решительный отпор.

* * *

Одни и те же письма можно трактовать по-разному. Единственно правильный путь, как мне кажется, пытаться проникнуть в психологию отношений Пушкина с женой на основании его писем и как бы воссоздаваемых в нашем воображении в связи с ними несохранившихся писем к нему Натальи Николаевны.

Причем делать это надо, опасаясь скоропалительных выводов, ни на минуту не забывая, что сокровенные письма эти до сих пор принадлежат им, двум любившим друг друга людям, а не нам. Необходимо при этом все время себя проверять, спрашивать себя, имеем ли мы моральное право судить о том, что принадлежит не нам.

Осторожно! Мы заглядываем в сокровенные тайны чужой жизни. Жизни гения.

Если неизвестный миру провинциальный врач Чехов оставил бы после себя только письма, случайно найденные на пыльном чердаке какого-то дома, он стал бы всемирно известным писателем. Таковы и письма Пушкина.

При чтении писем великих людей следует вести себя крайне деликатно, как должен вести себя человек, который, скажем, невольно подслушал чей-то интимный семейный разговор, стал неожиданно свидетелем чьей-то тайны.

«Если в самой природе есть тайны, то в людской жизни есть свои наготы, где необходимо покрывало. Этого требует простая пристойность, — писал автор «Обломова» великий русский писатель И.А.Гончаров, — я разумею индивидуальную, частную жизнь...»

Когда Пушкин узнал, что его интимные письма к жене перехватываются и читаются не только полицией, но и самим царем, он пришел в ярость.

Вот строки из пушкинского «Дневника»: «...я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит читать царю (человеку благовоспитанному и честному) и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

Поэт пишет жене: «Никто не должен знать, что может происходить между нами, никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейной жизни...»

И в другом письме: «Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство. ...без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше...»

Бессмертная пушкинская слава, предъявившая права на все сказанное поэтом, достала из лапца Натальи Николаевны интимные письма к ней мужа, обнародовала их.

Но она требует от нас целомудренной деликатности в обращении с ними.

Как бы реагировал Пушкин на более чем столетние пересуды некоторых ученых-пушкинистов, с безапелляционным видом обсужавших интимнейшие стороны жизни поэта порою весьма превратно.

* * *

«Что женка? Скучно тебе? Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел...»

«Поздравляю тебя с днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи — и пишу тебе продолжение моих походов...»

Какая волшебной веселая и счастливая игра слов. Пушкинских слов, сохранивших навсегда обаяние его гения.

«А письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты заплакала, не получив от меня письмо, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки».

* * *

Вспоминаются мудрые слова Мариэтты Сергеевны Шагинян: «Надо уметь читать документы, надо их раскопывать и размакировать, а это дело художника». И далее: «Документ очень часто не открывает, а скрывает правду...» «Вообще же художественный, то есть образный анализ документа — одно из самых увлекательных дел историка-романиста».

Как-то за чашкой чая беседовал я с Ириной Михайловной Ободовской и Михаилом Алексеевичем Дементьевым, людьми, для которых Пушкин — не тема их очередной книги, а вся многолетняя жизнь, одухотворенная, облагороженная подвижническим служением пушкинскому гению, так же как и жизнь другого самозабвенного служителя пушкинской музе — Семена Степановича Гейченко.

Таким людям не надо заглядывать в тома великого поэта, чтобы находить нужную цитату. Все у них на памяти — вошло в их плоть и кровь.

Я давно замечал, что бескорыстное служение прекрасному выбирает людей по своему подобию. И, отметив их своею метой, делает их красивее, обаятельнее, благороднее.

Речь зашла о словах Николаевны Гончаровой, сестры Натальи Николаевны, сказанных ею после дуэли ее мужа Дантеса с Пушкиным перед отъездом Екатерины Николаевны со своим супругом за границу.

Слова казались удивительными по своей холодной жестокости:

— Я прощаю Пушкину.

О каком прощении могла идти речь? Ведь это ее муж, пусть и любимый ею до безрассудства, до слепоты, убил Пушкина, гибель которого оплакивали все порядочные люди, вся просвещенная Россия, убил, наконец, мужа ее родной сестры, о каком же прощении Пушкину могла быть речь!

Слова эти звучат и дико и кощунственно.

— А знаете,— сказала Ирина Михайловна,— если эту фразу: «Я прощаю Пушкину» она произнесла по-французски. Ведь сестры Гончаровы и писали письма и очень часто в быту говорили между собой по-французски. Так вот, если эту фразу она сказала по-французски, то можно истолковать ее так, что не убитого Пушкина она прощает, а прощает жену его — «Я прощаю Пушкину».

Я был удивлен внезапным для меня открытием. Все приобрело совсем другой смысл. Все сразу встало на свои места.

Известно, что Екатерина Николаевна после дуэли Дантеса с Пушкиным и перед ее пожизненным отъездом за границу встретила с сестрой, разговаривала с ней. И обычно сдержанная Наталья Николаевна, к тому же любившая с детства свою сестру, видимо, сказала ей такие резкие, беспощадные слова о ее муже и, может быть, о ней, что для Екатерины Николаевны они прозвучали как оскорбление ее семьи.

И все-таки гордо и, как ей казалось, великодушно, она прощала сестру в ее горе — «Я прощаю Пушкину». Важно отметить и то, что

прощала не сестру, не Наташу, не Натали — а Пушкину, которая была как бы отдалена от нее фамилией мужа. Она для нее принадлежала ему, а не их семье, семье Гончаровых. И для нее, Екатерины Николаевны, она была уже не сестрой, а Пушкиной, женой Пушкина.

С той встречи сестры до самой смерти ни разу не видели друг друга, не написали друг другу ни одной строки.

Вот и оказалось, что слова, которые прежде говорили мне об одном, неожиданно сказали мне совсем другое. Из них следовало с еще большей ясностью, какой непримиримой и благородной защитницей чести своего мужа всегда была Наталья Николаевна.

Окончание слова, всего лишь одно окончание, а сколько размышлений вызвала эта новая для меня его трактовка.

Да, надо уметь читать документы.

* * *

«Не страдай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась». «Не кокетничай с Соболевским...» (Пушкин — жене).

«При чтении писем Пушкина с первого до последнего ощущаешь атмосферу пошлого уходаживания. Воздухом этой атмосферы, раздражавшей поэта, дышала и жила его жена» (Щеголев). И далее: «Покидая свою жену, Пушкин всегда пребывал за нее в беспокойстве — не только по обыкновенным основаниям (быть может, больна, быть может, материальные дела плохи). Но и более глубоким».

Пушкин в своих письмах к жене умоляет ее беречь себя. Ведь она на протяжении всего времени жизни с ним была или беременной или кормящей матерью. Но Щеголев считает, что были у него другие, как он пишет с непонятным бессердечием к ней, более глубокие основания, покидая жену, пребывать за нее в беспокойстве.

Да, Пушкин в своих письмах к жене не раз упрекает ее в кокетстве. Но упрекает ее весело, в шутку (а ведь в нем текла мавританская кровь Отелло), он позволяет себе шутить на эту тему именно потому, что он уверен в ее верности. А вот если бы эта тема была бы для него больной, он навряд ли говорил бы о кокетстве жены в таких шуточных интонациях, тут было бы не до шуток. В таких случаях или молчат, стиснув зубы до желваков, или говорят, но говорят совсем иным тоном.

Бывает, правда, что люди в таких случаях прячут свое истинное состояние за шутку, но и в этих случаях из-за спины шуток, иронии, сарказма ревность все равно выказывает свое лицо.

Ничего подобного и в помине нет в письмах Пушкина к жене.

Кокетство жены его веселит и забавляет. Ведь о кокетстве Натальи Николаевны он узнает не со стороны, а из ее писем («Не страдай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась...»). Если бы ей было что скрывать, она бы никогда не писала мужу об этом.

Да и с кем она искокетничалась? С Соболевским, с ближайшим, преданнейшим другом Пушкина.

А что если Наталья Николаевна, более серьезно ревновавшая мужа, чем он ее, специально «стращала» Пушкина, чтобы его раззадорить? Вот, мол, какой у меня успех в обществе. Приезжай скорей.

Как бы ни было, но ясно одно — безгрешная ребячья шутливость их переписки не дает никакого повода упрекать Наталью Николаевну в бездушном, жестоком кокетстве, терзавшем восприимчивую и пламенную душу Пушкина и впоследствии доведшем его до роковой дуэли.

Кроме того, в те времена под понятием «кокетство», как правило, понималось не закатывание глаз этакой соблазнительницы, а светская любезность, женственность, приветливость.

Причина многих неверных выводов в том, что мы не всегда умеем вжиться в те далекие от нас времена со своими обычаями, понятиями, нравами.

* * *

Читатель Б. А. Ровенских в своем письме негодует, как могла Наталья Николаевна общаться с Идалией Полегиной, с Дантесом — заклятыми врагами Пушкина. Это, мол, по отношению к мужу предательство.

Слишком жестоко негодование Б. А. Ровенских! Надо понять, что Пушкины принадлежали к определенному весьма узкому кругу людей, с которыми не могли не встречаться в том или другом доме. Люди этого круга зачастую были связаны родственными, семейными отношениями (родная сестра Натальи Николаевны — жена Дантеса. Полетика — дальняя родственница Гончаровых). Ненависть скрывалась за светскими любезностями, улыбками, приличиями. Так, что распознать ее порой было очень трудно.

Да и к тому же Б. А. Ровенских рассуждает с позиции состоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом, а Наталья Николаевна и за день до дуэли о ней не ведала, хотя и понимала, насколько накалена обстановка.

Не так давно я получил письмо от женщины доктора филологических наук, которая никак не может согласиться с опубликованными в печати моими размышлениями о Наталье Николаевне.

Доктор филологических наук гневно спорит со мной, доказывая, что если бы Наталья Николаевна действительно была заботливой, любящей женой, она бы не ходила по балам, не держала бы нянек и горничных, а сама бы готовила семье обед и стирала пеленки, так как семья поэта находилась в нужде.

Вот до чего доводит полное неумение вжиться в ту далекую эпоху.

Если бы жена потомственного аристократа, принадлежавшего к высшему обществу, не ходила бы на балы, а сама стирала пеленки, ее бы посадили в сумасшедший дом.

Находясь в нужде, аристократ мог брать взаймы у своего крепостного лакея, сидеть по вечерам в темных комнатах, если не было денег даже на свечи, но все равно перед сном раздевать его должен был камердинер.

В данном случае мой ученый оппонент проявил полное невежество.

Но до чего же самоуверенно оно, это невежество! До чего убеждено в своем превосходстве над другими, в своей правоте, оно не боится представиться.

Ведь женщина не постеснялась сообщить о своем ученом звании, назвать свой адрес, фамилию, которую я не называю, ибо не она, а я, как ни странно, испытываю чувство стыда за это письмо. Да, если бы невежество понимало, что оно невежество, оно не было бы невежеством.

* * *

Та же самая пуля, которая оборвала жизнь Александра Сергеевича Пушкина, попала и в его жену — смертельный свинец людской клеветы.

Все, что мы говорим о Наталье Николаевне Пушкиной, имеет прямое отношение к самому Пушкину. О ней надо говорить так, и только так, как будто он стоит рядом с нами.

Приходя в бешенство от того, что его сокровенные письма жене читаются в Третьем отделении, Пушкин писал Наталье Николаевне: «Скучно жить без тебя и не смею даже писать тебе все, что придет на сердце...» «Жду от тебя письма, но будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают. Этого, — с горечью и сарказмом прибавляет он, — требует государственная безопасность...»

Из этих слов можно сделать вывод, что, по всей вероятности, Наталья Николаевна могла написать мужу нечто такое, что могло не понравиться в Третьем отделении. Если бы она писала Пушкину только о шпильках и нарядах, Пушкин не писал бы ей — будь осторожна. Он пишет ей как сообщнице, разделяющей с ним его опасные с точки зрения «государственной безопасности взгляды».

В этом смысле весьма примечательно, на мой взгляд, письмо Натальи Николаевны барону Корфу, написанное после смерти Пушкина. Наталья Николаевна была человеком сдержанным. «Гнев — это страсть, а всякая страсть исключает рассудок и логику» — эти слова Натальи Николаевны говорят о том, что она была тонко мыслящей женщиной, умеющей контролировать свои слова и поступки.

В письме к барону Корфу она еле сдерживает свой гнев. В чем же причина ее гнева?

А причина в том, что один литератор был тайным агентом Третьего отделения.

И как тайный агент Третьего отделения был назначен в комиссию по наследию Пушкина. Пользуясь тем, что он был допущен сразу же после смерти Пушкина к его бумагам, он похитил рукописи пушкинских стихов, для того чтобы сказать потом, что Пушкин ему эти стихи подарил как своему близкому другу. Им руководило тщеславие. Не такой уж страшный порок. Но Наталья Николаевна пишет об этом его поступке с еле сдерживаемым гневом потому, что он — осведомитель Третьего отделения (она об этом, конечно, не говорит в письме прямо, но подтекст ясен), не мог быть другом Пушкина. Она начисто отвергает возможность такой дружбы, порочащей имя Пушкина, которого считает честью и славой России.

Весьма примечательно, что принадлежавшая высшему обществу дворянка Наталья Николаевна пророчески считает Пушкина честью и славой русского народа.

Конечно же, Наталья Николаевна была далека от политической жизни, как большинство женщин ее круга.

Но человеческая подлость, предательство, наущничество вызывали резкий протест ее благородной натуры.

Среди декабристок были женщины, стоявшие до рокового события в стороне от политики, — ими руководило благородное желание разделить с мужьями-мучениками их скорбную участь. А это желание отвечало канонам христианской церкви, и поэтому царь не мог ему противиться — казалось бы, мотивы сугубо личные, а подвиг их остался в веках, как подвиг политических борцов с самодержавием.

При этом вот что поразительно: если их мужья на Сенатской площади в смертельной схватке не смогли победить деспотизм царской власти, жены декабристов победили в поединке с самодержавием. Победили своим приездом в Сибирь, спасшим жизни мужьям, которых самодержавие тайно сгноило бы во глубине сибирских руд. Да, только подвижническое присутствие жен осужденных на каторгу, присутствие дочерей знатнейших дворянских родов, присутствие, которое сразу сделало явным и гласным не только для России, но и для всей Европы все, что происходило в каторжных рудниках Сибири, ведь письма декабристок могли идти в любые края, — это присутствие спасло осужденных от гибели.

Наталья Николаевна не вступала в поединок с самодержавием, однако она не побоялась вызвать возможный высочайший гнев, когда, любя мужа и выпонная, как она это понимала, его волю, положила тело покойного в гроб во фраке, а не в ненавистном ему камер-юнкерском мундире, чего не должна была делать с точки зрения придворной морали.

А ведь этот ее поступок мог быть истолкован как протест, имеющий политическую окраску.

В этой связи хочется вспомнить и то, что спустя годы после своего тяжкого вдовства, будучи женой генерала Ланского, Наталья Николаевна приняла горячее участие в судьбе великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, сосланного правительством в Вятку, куда генерал Ланской был командирован для формирования ополчения во время Крымской кампании.

Об этом свидетельствуют воспоминания о Наталье Николаевне дочери вятского врача Н. В. Ионина, лечившего там Наталью Николаевну.

«Мать Пащенко, женщина редкой доброты, придумала заинтересовать Наталью Николаевну в судьбе М. Е. Салтыкова, который очень уважал и любил ее (мад. Пащенко) и был у нее в доме принят как родной. Она составила план воспользоваться большими связями Натальи Николаевны, чтобы выхлопотать Салтыкову прощение и позволение возвратиться в Петербург. План увенчался полным успехом: Салтыков был представлен Наталье Николаевне, которая приняла в нем большое участие (как говорят, в память о покойном своем муже, некогда бывшем в положении, подобном салтыковскому) и решила помочь талантливому молодому человеку и похлопотала за него в Петербурге и письменно и лично. Успех не замедлил обнаружиться. Наталья Николаевна уехала из Вятки в январе 1856 года, а в июне того же года Салтыков был назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел и возвратился в Петербург».

А вот еще один документ. В письмах 1849 года есть сведения о хлопотах Натальи Николаевны еще об одном молодом человеке, на этот раз замешанном в деле петрашевцев.

«...Мне доложили о Николае Дубельте,— писала Наталья Николаевна 26 сентября,— которого я просила о деле одного арестованного, в нем принимают участие госпожа Хрущева и Александр Рейтер. Это некий молодой Исаков, замешанный в заговоре, который был открыт нынче летом.

Мать его в совершенном отчаянии и хочет знать, сильно ли он скомпрометирован и держат ли его в крепости по обвинению в участии или для выяснения дела какого-нибудь другого лица. Орлов, к которому я обратилась, заверил меня, что он не должен быть среди очень скомпрометированных лиц, поскольку старый граф не помнит такой фамилии и она не значится в списке. Я передала это через г-жу Хрущеву матери, но она не успокоилась и меня просила предпринять новые шаги. Так как Михаила сейчас нет, я принялась за Николая Дубельта, который явился по моей просьбе с большой поспешностью и обещал завтра принести ответ». Через день Николай Дубельт снова пришел к Наталье Николаевне и сообщил, что «дело молодого человека счастливо окончилось, он на свободе с сегодняшнего утра».

* * *

Я привел этот документ, опубликованный в книге И. Ободовской и М. Дементьева «После смерти Пушкина» (1980 г., издательство «Советская Россия»).

Эта книга мне особенно дорога потому, что многие годы, изучая материалы, связанные с жизнью и смертью Пушкина, задумываясь над характером, над судьбой его жены, я предчувствовал именно такую книгу, резко и неопровержимо противоположную тому, что писалось о Наталье Николаевне Пушкиной.

* * *

Помню, еще в юности, читая про себя гениальные строки Лермонтова: «Погиб поэт, невольник чести, пал, оклеветанный молвой», я видел в этих строках оправдание Наталье Николаевне. Невольник чести. Не защитник чести, а невольник, и далее: пал, оклеветанный молвой. Но если молва оклеветала Пушкина, то в данном случае она прежде всего оклеветала его жену. А раз оклеветала — значит, жена его была ни в чем не виновата — ни перед мужем, ни перед своей совестью. А уж Лермонтов по отношению к женщинам не был ни добрячком, ни угодником. Можно себе представить, какой гениальный гнев он бы обрушил на голову женщины, изменившей Пушкину, которого он боготворил.

Зная характер Лермонтова, его нелегкие отношения с женщинами, его непримиримость к светским «львицам», не слишком баловавшим его, угрюмого, резкого, диковатого, своим любезным вниманием, можно твердо предположить: считай Лермонтов хоть в чем-то виноватой Наталью Николаевну, он обязательно в какие-нибудь стихотворения, яростно клеймящие женское бездушие, включил бы строки, избличающие жену поэта.

Да и не только строки. Тема гения, не понятого легкомысленной светской красавицей, жгуче больная тема Лермонтова, учитывая его любовь к Пушкину, весьма вероятно, прошла бы через многие его произведения. При этом Лермонтов жил в то самое время, и кому-кому, а уж ему, конечно, легче было разобраться в сути дела.

В стихотворении Лермонтова, неистовом, как землетрясение, нет ослепления гневом, есть удивительная ясность, трезвая точность оценок.

О Дантесе:

«Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет...»
«Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;

Не смог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...»
«А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!»

В этих строчках вся вековая история русского дворянства, написанная мудрым историографом-исследователем.

Лермонтов не случайно сравнивает гения-поэта, погибшего на дуэли, с тем певцом, неведомым, но милым:

Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Все мы помним сцену дуэли в «Евгении Онегине». Ленский вызвал Онегина на дуэль. Но ведь Ольга не изменила Ленскому с Онегиным. Да и тайно не была увлечена им в отличие от сестры. Веселое, легкое кокетство. Вернее, женская, светская любезность.

Не это ли косвенное, но неопровержимое доказательство супружеской верности Натальи Николаевны.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,—

говорит Лермонтов. Конечно же, измена жены — это не позор мелочной обиды, а нечто совсем иное.

Но как это точно сказано: позора мелочных обид. Трагизм мелочей, которые, как болотный гнус, могут насмерть загрызть человека.

* * *

Только со словами Лермонтова:

С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой! —

трудно согласиться. Откуда эта жажда мести?

Очень точно сказал В. Непомнящий в уже упомянутом мною исследовании «Арина Родионовна, Наталья Николаевна»: «Защищая честь женщины, честь семьи, свое достоинство дворянина и русского поэта, он не убил, погиб сам. Он отказался от предложенной Данзасом мести своему убийце. «Мир, мир», — сказал он. И в этом была та же логика его судьбы. Человек, внимавший «бога гласу», пробуждавший добрые чувства, призывавший милость к падшим, не мог умирать со злобою в душе и жаждой мести».

Да, это так. Пушкин ненавидел своего врага — Дантеса. Будучи смертельно раненным, нашел в себе силы выстрелить в него, был по-

детски рад, что не промахнулся, что пуля его, пуля возмездия, сразила Дантеса.

А потом как бы удивился этой своей радости и в задумчивом своем предсмертном удивлении, просветленный, доволен был тому, что не убил своего врага, что умирает, незапятнанный его черной кровью.

Иначе умереть он, гений добра, не мог.

Почему же юный Лермонтов говорит о жажде мести? Да потому, что, потрясенный до глубины души гибелью своего божества, своего пророка-мученика, он невольно переносит на него свое состояние, **свою жажду мести.**

* * *

И. Ободовская, М. Дементьев приводят воспоминания А. Араповой, дочери Натальи Николаевны от П. П. Ланского. Вот что рассказывала ей мать о своей встрече с М. Ю. Лермонтовым в доме Карамзиных через несколько лет после смерти Пушкина, перед отъездом Лермонтова на Кавказ.

«Наступил канун отъезда Лермонтова на Кавказ. Верный дорогой привычке, он приехал провести последний вечер к Карамзиным, сказать грустное «прости» собравшимся друзьям. Общество оказалось многолюднее обыкновенного, но, уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт, к великому удивлению матери, завладев освободившимся около нее местом, с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необыкновенностью. Он точно стремился заглянуть в тайник ее души и, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ей мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь, каялся в резкости мнений, в беспощадности осуждений, так часто отталкивавших от него ни в чем перед ним не повинных людей.

Мать поняла, что эта исповедь должна была служить в некотором роде объяснением: она почувствовала, что упоение юной, но уже признанной славой не заглушило в нем неудовлетворенность жизнью. Может быть, в эту минуту она уловила братский отзвук другого, мощного, отлетевшего духа, но живое участие пробудилось мгновенно, и, дав ему волю, простыми, прочувственными словами, она пыталась ободрить, утешить его, подбирая подходящие примеры из собственной тяжелой доли...»

А. Арапова приводит слова, сказанные Лермонтовым в конце этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью:

«Никто не может помешать мне посвятить вам эту беззаветную преданность, на которую я чувствую себя способным».

Что испытывал Лермонтов, целуя ту женскую руку, которую целовал Пушкин?

«Ему не суждено было вернуться в Петербург, и когда весть о его трагической смерти дошла до матери, сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого!»

* *

О, Лермонтов...   непостижимо это.
Над ним   сам дух пророчества   витал,
Когда   поэт   в стихах   на смерть поэта
Свою   дуэль и смерть   предугадал.
Он едет в ссылку   степью да лесами
Навстречу   скорой гибели своей,
И рассыпается   лихими бубенцами
Тоска   дорожных   однозвучных дней.
О, как ему на свете   одиноко!
С людьми   он неуживчив,   ядовит.
Лишь Пушкина,   как бога,   как пророка,
Сняв   бережно   с креста,
боготворит.
Боготворит   с такою болью нежной,
Что только он   мог выразить ее,
Предчувствуя   в его судьбе мятежной
И гибель   и бессмертие свое.

* * *

Думаю, что для многих читателей замечательная книга И. Ободовской и М. Дементьева как открытие нового континента.

Наконец-то у Натальи Николаевны Пушкиной нашлись верные, умные и талантливые защитники. Их многолетний подвижнический труд, предпосланный блистательным предисловием члена-корреспондента Академии наук СССР Д. Д. Благого, достоин уважения и благодарности. Справедливость восторжествовала.

Теперь мы можем на основании многочисленных документов воссоздать пленительный образ замечательной русской женщины, не случайно любимой великим Пушкиным.

К сожалению, я не могу процитировать от начала до конца все письма Натальи Николаевны, найденные И. Ободовской и М. Дементьевым. Поэтому прошу читателей: прочтите эту книгу, и вам откроется яркий, благородный духовный мир женщины, верной подруги Пушкина, любящей магери его детей.

* * *

Конечно, с годами многое в нас меняется. И Наталья Николаевна, перенесшая такое огромное горе, совсем не та нежная, доверчивая девушка — невеста Пушкина. Но что-то в нас остается неизменным на всю жизнь. Постоянная величина, главные свойства характера, они не меняются с годами, а, наоборот, увеличиваются. И поэтому по тем письмам Натальи Николаевны, которые она писала близким в зрелые годы, можно судить о том, какой была эта женщина в юности и в годы семейной жизни с Пушкиным, — память о нем она свято чтит.

Дочь врача, лечившего Наталью Николаевну, Л. Спасская вспоминает: «Я слышала, что один из дней недели, именно пятницу (день кончины поэта — пятница 29 января 1837 года), она предавалась печальным воспоминаниям и целый день ничего не ела».

Но случилось так, что именно в пятницу ей вместе с мужем П. П. Ланским пришлось «непременно быть» в гостях у одних вятских знакомых — Пашенко, с которыми она очень подружилась (жена Пашенко как раз и просила ее помочь Салтыкову-Щедрину).

«Все заметили необыкновенную ее молчаливость, а когда был подан ужин, то вместо того, чтобы сесть, как все остальное общество, за стол, она ушла в залу и там ходила взад и вперед до конца ужина. Видя общее недоумение, муж ее потихоньку объяснил причину ее поступка, сначала очень удивившего присутствующих».

Она не могла забыть Пушкина. Нервы ее, судя по письмам ее сестры Александры Николаевны Гончаровой, были в очень плохом состоянии.

Она начала курить. Дочь ее Арапова говорит в своих воспоминаниях, что веселой она ее никогда не видела: «Тихая затаенная грусть всегда витала над ней. В зловещие январские дни она сказывалась нагляднее: она удалялась от всякого развлечения и только в усугубленной молитве искала облегчения страдающей душе».

* * *

Всю жизнь, до смертного часа ее преследовала несправедливая людская кара.

Вот один из многих примеров тому. Наталья Николаевна вместе с детьми выехала за границу и поселилась в гостинице-пансионе в одном из немецких городков.

В обеденный час вместе с ними за столом оказались русские студенты, жившие в этой же гостинице. Они молча и внимательно наблюдали за Натальей Николаевной, а когда ушли, как бы невзначай оставили раскрытую книгу, подчеркнув в ней слова, клеймившие жену поэта-гения, виновницу его трагической гибели, обездолившей Россию.

Каково ей было до конца своих дней терпеть эту постоянную незаслуженную кару!

И опять вспоминается пророческое предчувствие умирающего Пушкина. Пророческое предчувствие, с которым умирать ему было еще тяжелее: «она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском». Если к этому прибавить постоянное мучительное страдание, страдание матери, которая винит себя в гибели ребенка, хотя в гибели его она совсем не виновата. Но любящее сердце всегда ищет в себе вину, будто она, мать, допустила какую-то оплошность, что-то сделала не так, и это повлекло за собой гибель ребенка, если прибавить к незаслуженной людской каре эти нестерпимые пожизненные страдания, можно себе представить, что вынесла эта женщина за многие годы своей жизни.

«Несмотря на то, что я окружена заботами и привязанностью всей моей семьи,— писала Наталья Николаевна в 1849 году,— иногда такая тоска охватывает меня, что я чувствую потребность в молитве. Эти минуты сосредоточенности перед иконой, в самом уединенном уголке дома, приносят мне облегчение. Тогда я снова обретаю душевное спокойствие, которое часто раньше принимали за холодность и меня в ней упрекали. Что поделаешь? У сердца есть своя стыдливость».

Позволять читать свои чувства мне кажется профанацией. Только бог и немногие избранные имеют ключ от моего сердца».

Прекрасные слова, объясняющие характер Натальи Николаевны, обладавшей целомудренной стыдливостью сердца.

Она не умела и не хотела притворяться, лгать, быть лицемерно общительной со всеми, блистать в высшем обществе.

«...Я не смогла ответить на твое письмо,— пишет она брату Д. Н. Гончарову,— как мне хотелось бы, по многим причинам, но главная — не было времени. Вскоре все уезжают из города, и я, признаюсь тебе, в восторге от этого. Меньше обязательных выездов, а следовательно, и меньше расходов...»

Вот строки из ее письма П. П. Ланскому:

«...С моей склонностью к спокойной и уединенной жизни мне везде хорошо. Скука для меня не существует».

А ее считали бездушной светской красавицей, смысл жизни которой составляли лишь любовные интрижки и легкомысленное кокетство.

* * *

После моих публикаций о Наталье Николаевне я получил и получаю множество писем от читателей — рабочих, колхозников, врачей, инженеров, художников, ученых — представителей самых разных профессий.

Это неудивительно. Ведь не только в дни юбилейных пушкинских торжеств, но в любой будничный день и летом и зимою можно увидеть безымянный и, что особенно трогательно, порой очень скромный букетик цветов, чьей-то рукой положенный к подножию памятника великому поэту, без бронзового облика которого немислима наша столица. Эти цветы как вечный огонь любви народной.

Не только любовь к живому Пушкину бессмертна. Бессмертна острая, незалеченная годами боль, вызванная его трагической гибелью.

Об этом пишут авторы писем. Они сочувственно пишут о Наталье Николаевне, о верной безгрешной подруге поэта, матери его детей, скромной, целомудренной русской женщине, подаренной Гению судьбой и Россией и безжалостно отнятой у него вместе с жизнью.

Художник Альберт Леонидович Рывлин из Ленинграда пишет в своем письме о Наталье Николаевне, что она «была достойной женой великого писателя, поэта».

Он пишет: «Пока существует человечество — будет жить Пушкин, его творчество вне времени!!! Жена Пушкина — мать его детей, друг и последняя любовь поэта — также вне времени!» А до этого я получил письмо от О. Г. Никитиной из Москвы. Она согласна с добрыми словами о Наталье Николаевне. «Давно бы пора», — пишет она.

Отрадно, что в письмах читателей нет жажды сенсационности. Они проникнуты чувством уважения к жене поэта, желанием защитить ее от клеветнических наветов.

«...А. С. Пушкин — величайший умница — не мог полюбить пустышку, пусть и очень, очень красивую. О нем очень верно, точно сказал М. Ю. Лермонтов, «он с юных лет постигнувший людей». И я очень против сплетен, намеков и грязных недомолвок вокруг Н. Гончаровой... А ведь верят в ложь и даже у нас здесь, в глубокой провинции... Я очень верю, что Наталья Гончарова верна была А. С. Пушкину».

Горьковская обл. Навашинский р-н, с. Натальино, Масомова В. Г.
Читатели интересуются характером Натальи Николаевны, ее духовным миром.

Иван Иванович Смирнов из поселка Лебяжье Ленинградской области пишет: «В последние 20—30 лет я подряд читаю все, что хоть каким-либо краешком касается имени Натальи Николаевны. Самое главное для меня состоит в том, что мои мысли на 100 процентов совпадают с вашими». «А ведь стыдно признаться,— пишет он далее,— в молодости и я грешил своим неверием в лариноподобный облик Натальи Николаевны».

В конце своего письма И. И. Смирнов пишет о том, что ему часто приходится бывать в Ленинграде. И во время приездов он приходит на кладбище к могиле Натальи Николаевны.

Но попадают письма, к счастью, их очень мало, в которых прочно живет неверное, косное представление об этой женщине. Видимо, оно укоренилось в умах авторов этих писем еще со школьных лет.

«Если она любила мужа,— читаю я в одном из писем,— как она могла танцевать на балах с другими! Я танцую в нашем Доме офицеров только со своим мужем, чтобы не возбуждать в нем ревности».

Как наивны и безответственны такие обвинения в адрес Натальи Николаевны, что, по-моему, ясно из всего сказанного выше.

Пушкин любил бывать с Натальей Николаевной на балах, где с гордостью любовался своей женой. В одном из своих писем к ней он писал: «Все это в порядке вещей: будь молода, потому-то ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна».

Кстати, на этих же балах танцевали и даже кокетничали со своими кавалерами те самые героические русские женщины, которые добровольно ушли потом за своими мужьями в Сибирь и которых народ называл святым именем: декабристки. Подобные обвинительные письма носят безапелляционный характер. Как слепо нежелание их авторов расширить круг своих познаний, прочесть новую неведомую книгу, задуматься над ней. Видимо, немало потребуется публикаций, чтобы до конца восстановить справедливость. Отрадно, что в последнее время у Натальи Николаевны появляется все более страстно заинтересованных защитников. В журнале «Октябрь» не так давно была напечатана повесть Агнии Кузнецовой «А душу твою люблю...»,

полная любви и сочувствия к жене и вдове поэта, чья многострадальная жизнь достойна поклонения.

«Грязный поток сплетен, злоречия, лжи, клеветы, злобных вымыслов и гнусных наветов на Пушкина, его жену и обеих ее сестер возник уже при жизни поэта. После его трагической гибели он стал еще свободнее и шире разливаться», — пишет Д. Д. Благой.

* * *

Строки из писем Натальи Николаевны:

«...Теперь пойду отдохнуть, я очень устала сегодня — эти образчики большого света заставляют меня с ужасом думать о предстоящих выездах этой зимой» (23 августа).

«Если бы ты знал, как я была счастлива вернуться домой; я разделась и села писать тебе. Мои так называемые успехи нисколько мне не льстят. Я выслушала, как всегда, множество комплиментов. Никто не хотел верить, что Маша моя дочь, послушать их, так я могла бы претендовать на то, что мне столько же лет, сколько и ей».

«...К несчастью, я такого мнения, что красота необходима женщине. Какими бы она ни была наделена достоинствами, мужчина их не заметит, если внешность им не соответствует. Это подтверждает мою мысль о том, что чувственность играет большую роль в любви мужчин. Но почему женщина никогда не обратит внимания на внешность мужчины? Потому что ее чувства более чисты».

Судя по всем письмам Натальи Николаевны, по образу ее жизни и в молодости и в зрелые годы, основная черта ее характера, предначертание ее судьбы, свойство ее природы — чувство, выраженное, пожалуй, ярче, чем все другие чувства, присущие ее натуре, это чувство материнства. Она была матерью прежде всего. Ради детей она жила на свете. В них она видела свое счастье.

Пушкин не мог не ценить в ней этот дар материнства.

Любовь к детям сблизила ее духовно и с Ланским, который нежно любил и своих детей и детей Пушкина, друживших между собой всю жизнь. Письма ее полны трогательной заботы о детях.

Помимо своих семерых детей (по нынешним понятиям, она мать-героиня), у Натальи Николаевны жили племянник мужа Павел Ланской и сын сестры Пушкина, Лев Павлищев, который пользовался особой любовью Натальи Николаевны. И эта ее любовь весьма знаменательна.

Она пишет о нем с восхищением: «Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин».

Итак: понимала ли Наталья Николаевна Пушкина, любила ли его?

Да. И как она могла не любить его и не понимать? Она была очень восприимчива к прекрасному. А что может быть прекраснее пушкинской гениальности?

Скрыть гениальность в домашних условиях невозможно, невозможно ее умолчать.

Пушкин мог быть неразговорчивым порой с нею или говорить о пустяках, но гениальность его не могла не проявляться в блеске внезапной шутки, в мысли, оброненной на ходу, не зафиксированной на бумаге, не дошедшей до нас.

«Пушкин, коего талант поэтический, — по словам Адама Мицкевича, — удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего...»

Сколько было высказано им парадоксов, афоризмов, раздумий о судьбах России, ее истории, литературе, которые знала только одна она!

Сколько было только ей одной ведомо его нежности, его доброты!

«Горячая голова, добрейшее сердце, вылитый Пушкин»

«Ты знаешь, — говорит Наталья Николаевна о своих детях, — это мое призвание, и чем больше я окружена детьми, тем более я довольна».

«Я никогда не могла понять, как могут надоесть шум и шалости детей, как бы ты ни была печальна, невольно забываешь об этом, видя их счастливыми и довольными».

Видимо, это ее природное призвание — любовь к детям — помогло ей выжить, выстоять, пережить, а вернее, всю жизнь переживать страшное горе.

* * *

Здесь, во имя справедливости, необходимо сказать о Петре Петровиче Ланском, человеке добром, честном и скромном, неизменно вызывавшем у окружающих чувство теплой симпатии.

Мне доводилось слышать гневные голоса: «Как это она могла после смерти такого мужа выйти второй раз замуж!»

Подобные суждения по меньшей мере жестоки.

За нее сватались. Она отвечала отказом. А за Петра Петровича Ланского вышла замуж потому, что нашла в его лице прежде всего человека не только любившего ее верной, благородной и самоотверженной любовью, но, что было для нее решающим, человека, породного разделившего с ней заботу о ее детях, в которой она и они так нуждались.

Детей надо было поставить на ноги. Это была главная цель ее жизни.

А для того, чтобы поставить их на ноги, выучить их, надо было по тем временам жить не в михайловском захолустье, а в Петербурге, при дворе. Положение же молодой красавицы вдовы было бы при дворе весьма щекотливым, принимая во внимание давнюю, весьма опасную

влюбленность в нее царя, его подчеркнутое покровительство, которое не могло бы не вызывать всевозможные сплетни и кривотолки, порочащие честь молодой одинокой женщины.

Ей и ее детям нужны были защита и опора.

В лице Петра Петровича Ланского она нашла и защиту и опору.

ГЕНЕРАЛ ЛАНСКОЙ

«Отправляйся в деревню,
носи по мне траур два года
и потом выходи замуж
только за порядочного чело-
века...»

*(Пушкин, прощаясь с женой
Со слов В. Ф. Вяземской)*

Хоть звезд он с неба не хватал,
Да и к тому ж не спорил с веком,
но был хорошим человеком
служивый царский генерал.
В день скромной свадьбы он, жених,
(Совсем не просто было это)
В приданое взял четверых
Детей великого поэта.
И было нелегко ему,
Чье имя предано забвению,
Тревожно жить в своем дому
С бессмертной пушкинскою тенью.
Не ревновать жену к тому,
С кем рядом встать он был не вправе,
К его стихам, к его уму,
К его святой народной славе.
И самолюбие свое
Смиривши, нянчить участь вдовью
Тактично, с бережной любовью
Щадить жену, тоску ее.
Он не был гением-творцом,
В стихах и в бронзе не был славен.
В одном он Пушкину был равен —
Он стал его детей отцом.
Растил их нежно генерал,
Любовь к усопшему внушая.
Как будто Пушкин умирая,
Его им детям, завещал.

Он как бы был предсказан им
Вдове, рыдавшей безутешно.
«Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим!»

* * *

«Отправляйся в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж только за порядочного человека...»

И в поэзии, и в жизни своей Пушкин был сокровенно народен. Настолько народен, что эти его предсмертные слова перекликаются со словами издавна поющей на Руси песни про ямщика, который, умирая в степи глухой, кручинится о молодой жене и говорит своему товарищу: «Тяжело вдовой мне ее кидать!.. Передай словцо ей прощальное и отдай кольцо обручальное. Пусть она о мне не печалится, с тем, кто по сердцу обвенчается...» (Я цитирую первоначальный вариант слов песни. Н. Д.). Сколько в этих словах житейской мудрости, святого целомудрия и благородства!

* * *

Не может не радовать то, что многие читатели сочувственно относятся к Наталье Николаевне. Москвич С. И. Вишнев пишет мне: «Нравственная чистота и верность жены Пушкина — в них сам поэт никогда не сомневался — должны быть раз и навсегда восстановлены. Ибо пошлость, мерзость и невежество рады были облить грязью все связанное с именем поэта».

Вот что мне пишет рабочий Кировского завода Н. И. Комаров: «Нам очень понятна роль жены, Натальи Николаевны, в жизни Пушкина, иначе и не могло быть, и я всегда верил, что в трагизме их судеб виновато общество».

Эти верные слова я хочу продолжить цитатой из книги Д. Д. Благого.

В одной из глав своей книги «Душа в заветной лире» он пишет: «Трагически, безвременно пресеклась жизнь Пушкина: по форме — дуэль, «поединок чести». Но по существу, как об этом наглядно свидетельствует вся преддуэльная история, жизнь поэта была пресечена бесстыдной и беспощадной политической расправой».

Подробно и убедительно излагая на основании документов, обнаруженных в наш век, свою версию взаимоотношений Пушкина с женой, Д. Д. Благой заключает: «Настала пора закрыть и затянувшееся почти на полтора столетия обвинительное «дело» против жены поэта». С этим трудно не согласиться.

На одной из встреч с читателями в Ленинграде я читал стихи, посвященные Наталье Николаевне. И в ответ на них получил записку. В ней незнакомая мне женщина с любовью писала о Наталье Николаевне. При этом она сообщала о том, что в школе, где она училась, до сих пор из поколения в поколение передается нигде не публиковавшееся письмо Натальи Николаевны, адресованное директору гимназии.

В нем она пишет о сыне Пушкина Александре, учившемся в этой гимназии с 1845 по 1848 год.

Мне удалось найти это письмо. В школе (бывшей гимназии) мне сказали, что это письмо многие десятилетия читается учителями родителям как образец отношения матери к проблемам школьного воспитания.

Письмо Н. Н. Ланской директору 2-й СП гимназии г. Постельсу 1 ноября 1845 года:

«Направляю Вам моего сына, которого поручаю Вашему строгому попечению, господин Постельс. Уступая Вам часть своих прав, я рассчитываю на Ваше внимание, так как надеюсь, что он всегда будет его достоин. Ваши советы, я надеюсь, укрепят его в тех принципах, которые я стремлюсь внушить ему с его юных лет, если, храни Бог, он вызовет у Вас неудовольствие, прошу оказать любезность, предупредить меня об этом, и он никогда не встретит во мне ни слабости матери, ни снисхождения, ибо моей обязанностью является помощь Вам в этом трудном деле, которое Вы так усердно и по совести выполняете. Мой сын передаст Вам пакет с вложением официального письма и медицинского свидетельства.

Метрическое свидетельство, как я уже имела удовольствие сказать Вам, находится в делах господина Пушкина — что же касается денег, то в ближайшую субботу Александр принесет 270 руб.

Благоволите, господин Постельс, принять мои чувства признательности.

Наталья Ланская».

Сколько сменилось поколений! На смену дворянским мальчикам в гимназических курточках пришли ребята в нейлоновых куртках и джинсах, а письмо это, как мне сказали в школе, не потеряло воспитательного значения.

Наталья Николаевна была нежной, но строгой матерью — «...Если, храни Бог, он вызовет у Вас неудовольствие, прошу оказать любезность, предупредить меня об этом, и он никогда не встретит во мне ни слабости матери, ни снисхождения, ибо моей обязанностью является помощь Вам».

И, кстати сказать, сын Александр вырос достойным своих родителей — честный, благородный, пламенный патриот своей родины. Он сражался на болгарской земле, защищая свободу и независимость братского славянского народа, за что был награжден золотым оружием.

В раннем детстве он был любимцем Пушкина, и Пушкин мог бы гордиться своим любимцем, заботливо воспитанным матерью.

— Школа и семья должны делать одно общее дело, — сказали мне в школе, — а иные родители не помогают нам, как Наталья Николаевна помогала воспитателям своих детей, а мешают, стараются во что бы то ни стало выгораживать, защищать их от якобы несправедливых учителей. Таким родителям в назидание мы читаем это письмо.

Так в стенах ленинградской школы я неожиданно встретился с Натальей Николаевной.

* * *

В этот же день я пришел на кладбище, чтобы постоять у ее могилы. Был тихий зимний крахмальный день, морозный и солнечный. Шел еле заметный снежок. А на мраморном надгробии лежали цветы, кем-то принесенные Наталье Николаевне Пушкиной.

И я подумал: сколько было за полтора века злобной клеветы, порочащей ее имя. Но чуткое народное сердце нельзя обмануть.

1970—1984 гг.

Николай Константинович ДОРИЗО

ЖЕНА ПОЭТА

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 30.10.84. Подписано к печати 24.12.84. А 00472. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,95. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 86 000 экз. Изд. № 75. Заказ № 3769. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

АККРЕДИТИВ

● Аккредитив сберегательной кассы — удобный способ хранения денег в пути: при поездке в отпуск, командировку, при переезде из одной местности в другую.

● Аккредитив является именным документом, по которому можно получить деньги в сберегательной кассе любого города или района.

● Сберегательные кассы выдают аккредитивы двух видов: на любую сумму до 3000 рублей включительно и на сумму в 300 рублей. Деньги по аккредитиву до 3000 рублей выплачиваются сберегательной кассой в полной сумме, на которую был выдан аккредитив. Если владелец такого аккредитива пожелает получить только часть денег, то на оставшуюся сумму ему выдается новый аккредитив. По аккредитиву в 300 рублей можно получить деньги в полной сумме или частями, по 100 рублей. Для получения денег по аккредитиву установлен четырехмесячный срок со дня выдачи аккредитива. После этого срока оплата аккредитива сберегательной кассой может быть произведена в течение трех лет только с разрешения управления Гострудсберкасс области, края или республики, название которого указано на бланке аккредитива.

● При получении денег по аккредитиву его владелец должен предъявить в сберегательную кассу паспорт или заменяющий его документ.

● Владелец аккредитива может доверить получение денег по аккредитиву другому лицу.

**Российское республиканское
Главное управление
Гострудсберкасс СССР**